

УДК 81-13

<https://doi.org/10.33619/2414-2948/39/42>

**СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ПРИТЯЖАТЕЛЬНЫХ
И УКАЗАТЕЛЬНЫХ МЕСТОИМЕННЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ
ПРИ ОДУШЕВЛЕННЫХ СУБСТАНТИВАХ**

©*Соколова О. И.*, SPIN-код: 9606-383, канд. филол. наук,
Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых,
г. Владимир, Россия, sok.ol@list.ru

**STYLISTIC FUNCTIONS OF POSSESSIVE AND DEMONSTRATIVE PRONOMINAL
ADJECTIVES COMBINED WITH ANIMATE SUBSTANTIVES**

©*Sokolova O.*, SPIN-code: 9606-383, Ph.D., Vladimir state university,
Vladimir, Russia, sok.ol@list.ru

Аннотация. В статье рассмотрены сочетания одушевленных субстантивов с притяжательными и указательными местоименными прилагательными. Основное внимание уделено антропонимам. Они предельно конкретны в контексте, и находящиеся при них атрибутивы редко употребляются в своих первичных значениях, но практически всегда развивают значения вторичные, становясь стилистически маркированными. В статье показано, как интенция говорящего обнаруживается при выборе местоименных прилагательных, определяющих антропоним.

Abstract. The article examines combinations of animate substantives with possessive and demonstrative pronominal adjectives. Most of the focus is on anthroponyms which are completely concrete within a context. Accompanying attributives are seldom used in their primary meanings but usually develop their secondary meanings becoming stylistically marked. The article illustrates how the choice of pronominal adjectives defining an anthroponyms discovers the speaker's intention.

Ключевые слова: одушевленные субстантивы, имена собственные, антропонимы, притяжательные и указательные местоимения, функционирование местоимений.

Keywords: animate substantives, proper nouns, anthroponyms, possessive and demonstrative pronouns, pronoun functioning.

Категориальная сущность местоимений-прилагательных обнаруживается в том, что они противостоят всем прочим номинативным частям речи: указывая на признаки предметов (лиц), они не называют их и не определяют их содержания [4, с. 387]. Будучи самыми обобщенными по семантике, местоимения тем не менее способны быть выразителями тонких смысловых оттенков, что особенно ярко проявляется при их отнесенности к существительным-обозначениям лица — нарицательным и собственным. Рассмотрим употребление определений лиц (одушевленных субстантивов) на примере притяжательных и указательных местоимений.

Местоимения *мой, твой, наш, ваш, ее, его, их, тот, этот, такой, сей, оный* «не только выделяют предмет, но и индивидуализируют его посредством непосредственного указания на него самого или посредством указания его владельца» [2, с. 160].

Н. Ю. Шведова в монографии «Местоимение и смысл. Класс русских местоимений и открываемые ими смысловые пространства» проводит вертикальное членение местоимений, относя указанные группы к определенным местоимениям, относящимся к исходу «чей?» (другие группы: исходные, неопределенные, отрицательные, связующие, означающие всеобщность, всеохватность, а также исключительность) [10, с. 8-9, с. 41], и внутреннее их членение «по горизонтали» на основе сопоставления по принципу предельности, сосредоточенности и неопределенности, несосредоточенности: *это – то, мой, твой – свой* и др. [10, с. 14].

Наиболее часто эти местоимения выполняют дейктическую функцию — указания на предмет с точки зрения говорящего — и анафорическую, отсылая к предыдущему упоминанию о лице [6, с. 29-31]: *Впрочем, он решительно ничего не читал из французской изящной литературы и принялся за Мольера только после строгого выговора, данного Пушкиным за небрежение к этому писателю* (П. Анненков); *А насчет баранины наш директор звонил на базу тому директору, но тот директор уехал куда-то* (Г. Горин).

По мысли Е. М. Вольф, наличие местоимения свидетельствует о том, что «конструкция, в которую оно входит, семантически несамостоятельна», что о референте местоимения «уже известно из контекста или ситуации или из «общего фонда знаний» говорящего и слушающего» [3, с. 195]: *Ваш начальник чего-то не понял* (Г. Горин); *Если бы в доме оставался еще один брат, то тогда этого брата скорее всего отпустили бы, потому что убийство двух братьев слишком сильно увеличивало бы шансы на то, что третий брат возьмется за оружие* (Ф. Искандер); *А вам говорят, что ваш друг уже вышел...* (Е. Гришковец).

Указанные функции чаще всего реализуются по отношению ко многим одушевленным субстантивам — терминам родства, названиям лиц по роду деятельности, профессии, званиям и другим; применительно к именам собственным-антропонимам чаще они реализуют другие функции [8].

Имена собственные по своей природе являются единичными обозначениями, они всегда соотносены с денотатом, называние имени обычно следует за фактом утверждения существования лица [9, с. 138], поэтому функция индивидуализирующего ограничителя оказывается при них избыточной. В дополнительной конкретизации они нуждаются в исключительных случаях: *Перед ним сидел Шиллер, — не тот Шиллер, который написал «Вильгельма Телля» и «Историю Тридцатилетней войны»; но известный Шиллер, жестяных дел мастер в Мещанской улице* (Н. Гоголь); *Напротив Горикова — наш дом; внизу булочник Бартельс — не тот, знаменитый, а Бартельс-«эрзац»; отравлялись сладями его производства* (А. Белый).

Существование пары «обладатель» — «предмет обладания» для антропонимов нетипично, поэтому выражение этого значения притяжательными местоимениями мы встречаем нечасто, но все же значение принадлежности может быть реализовано там, где «сам факт принадлежности служит предметом сообщения» [3, с. 104]: *Пить пиво приятнее, чем любить, а потому пейте пиво. Уже не ваша С....»* (А. Чехов); *Кто сволочь? — вздрогнула Аххо. — Да этот твой Марк! — Янчик, он уже не мой. У меня теперь Гамзат* (В. Аксенов).

Несколько иное значение реализуется в случаях, когда антропоним выступает в значении апеллятива, где значение принадлежности если и не выражается «в чистом виде»,

то, по крайней мере, приближается к нему: *И у него* (у Франклина — О. С.) *была, верно, своя Агафья Михайловна, которой он поверял свои планы* (Л. Толстой); *Сыщутся непременно свои Монтекки и Капулетти, и за их враждой весь город следит с животрепещущим интересом* (А. Куприн); *Лепить, лепить, потому как наглядно, и все должны согласиться — это вот «мой» Пушкин, «мой» Чехов* (В. Астафьев).

Особый случай представляет этикетное «Ваш(а,и) + антропоним» в подписи, поскольку здесь употребление притяжательных местоименных прилагательных носит исключительно традиционный, формальный характер (но, сравним, например, в письмах А. П. Чехова: *Душевно Ваш А. Чехов, Весь Ваш А. Чехов, Весь Твой Antoine. Ваш-ссс А. Чехов*).

Притяжательные местоимения могут давать качественную характеристику антропониму, в этом случае выражаемое ими значение «далеко выходит за пределы прямой притяжательности» [2, с. 169]. Оказываясь избыточными в своих основных функциях, они развивают вторичные, качественно-оценочные значения — в частности, дают качественную характеристику лица говорящим [11, с. 93]: *У Игоря вашего родился сын. Но Игорь ваш... не на тех нарвался!* (В. Шукшин); *Что ты, наконец, прицепилась ко мне со своим Толстым?* (И. Ильф, Е. Петров); *Иначе бы ты мне тут не пел сейчас, какой твой Сережа серьезный и честный* (А. Маринина) — притяжательные местоимения выражают дополнительное значение отрицательной оценки: «симпатичный, близкий, угодный кому-либо».

Местоименные притяжательные прилагательные могут сообщать мелиоративную окраску, являясь маркерами особенного расположения говорящего к называемому лицу, при этом конкретность значения антропонимов, осведомленность собеседников (существование пресуппозиции или обращение к фоновым знаниям) снимают необходимость употребления определения, оно становится необязательным: *Да отчего это моя Любонька уродилась такая хорошая!* (А. Герцен); *Главное, у нее, Ирины, будет труд — не телеграф, не управа — фи! а непременно школа, и притом не какая-нибудь глупая гимназия, где все так ordinarily, сине и пошло, а что-то вроде храма, где труд похож на экстаз, на молитву и на отречение, а при этом, видите ли, она, конечно, этого не требует, но так уж выйдет само собою, что любимые и ласковые лица будут смотреть на нее и улыбаться, и все будут ей говорить: «Какая наша Ирина милая, какая она чудная»* (И. Анненский). Ср.: *Да отчего это Любонька уродилась такая хорошая! Какая Ирина милая, какая она чудная.*

Анализируемая группа местоимений, становясь маркерами пейоративной или мелиоративной окраски, может являться своего рода демаркационной линией между родственниками, друзьями, сослуживцами, автор таким образом выстраивает оппозицию «свой — чужой»: *мой, наши* (подчеркивающие единство говорящего с называемыми лицами) — *твой, ваши* (подчеркивающие отчуждение говорящего от лиц, называемых именами собственными): *Передайте Петру Дмитриевичу, что мой Петя уж так для него старается, так старается!* (П. Боборыкин); *Наконец-то наша Оля будет студенткой! — радовались братья и сестры* (З. Воскресенская); — *Мне, знаешь, Шурочка, твой Ромашов надоел вот до каких пор* (А. Куприн); *Я вам еще раз говорю: ваш Игорек стал отцом, но хочет, как гад, ускользнуть в кусты* (В. Шукшин).

Подобные же функции притяжательные местоимения могут выполнять, определяя лиц по роду деятельности: *При этом Ильев совершенно честно признался, что у него и в мыслях не было расшифровывать Чехова, что спектакль — самый настоящий детектив /../ При этом: «Акунин — не мой писатель»* (А. Никитин); *Маяковского я уже знала по нескольким стихотворениям, и он уже был «мой» поэт* (С. Шамардина). Притяжательные местоимения реализуют указательное значение, если «сочетаются с существительными со значением лица, которое в определенной речевой ситуации является предметом разговора. Например: Я

сказал, мой коллега опустился ниже нуля, употребив — простите — средю поэзии для сведения личных счетов (Б. Олейник)» [5, с. 55].

В рассказе А. П. Чехова «Невеста» через употребление притяжательных местоимений показана эволюция отношения Нади к своему жениху (характерно также именование героя сначала по имени, затем — по имени и отчеству): мой Андрей — этот добрый, умный человек — твой Андрей Андреевич: *Вот вы только что говорили про моего Андрея, но ведь его не знаете. — Андрей Андреич стал ухаживать за ней и сделал ей предложение, /.../ она согласилась и потом мало-помалу оценила этого доброго, умного человека. — И что такое твой Андрей Андреич? Он же неумын, мама!* (А. Чехов).

Указательные местоименные прилагательные «заклучают в себе общее значение указания на предмет, выделения его из ряда однородных» [4, с. 398]. Как уже было отмечено, антропонимы являются единичными обозначениями, поэтому указание на единичную референцию при них оказывается избыточным.

Указательные местоимения, как и притяжательные, могут выполнять при антропонимах дейктическую и анафорическую функцию, связывая их с элементами контекста: *Особенно часто и сильно «влетало» Петрову, который стоял на самом левом фланге и имел очень маленький для кавалергарда рост. Этот Петров, Рязанской губ., был очень смиренный и забитый солдатик* (Д. Подшивалов).

Местоимение *этот* употребляется при указании на предмет, «находящийся в непосредственной близости, только что упомянутый или вообще известный» [4, с. 398]: *Эта Кармелла, смуглая, с наигранными глазами, похожая на мулатку, в цветистом наряде, где преобладает оранжевый цвет, пляшет, должно быть, необыкновенно* (И. Бунин).

Местоимение *этот* подразумевает, что лицо, о котором идет речь, уже было ранее упомянуто, и требует обращения к предтексту. Интересно отметить, что употребление антропонима без определения предполагает отнесенность к самому лицу, в случае же «антропоним+местоименное определение» скорее имеется в виду комплекс соответствующих признаков лица: *Но княгиня /.../ объяснила Кити, какой дурной человек был этот Левин, и все мечты об этих двух лицах исчезли. Не столько потому, что мать сказала ей, сколько потому, что это был брат Константина, для Кити эти лица вдруг показались в высшей степени неприятны. Этот Левин возбуждал в ней теперь своею привычкой подергиваться головой непреодолимое чувство отвращения* (Л. Толстой).

Указательные местоимения, как и притяжательные, будучи употребленными при антропонимах, могут развивать добавочные оттенки значения, чаще сообщая о негативном отношении говорящего к предмету речи: *Давить надо таких, как этот Лева* (К. Паустовский); *Нет, какая все-таки сволочь этот Марк Аврелов!* (В. Аксенов). Глубокое исследование об употреблении местоимения *это* принадлежит В. В. Бабайцевой [1].

Местоимение *тот* указывает на лицо, «не находящееся в момент речи в непосредственной близости от говорящего или ранее упоминавшееся» [4, с. 398]: *...В этом очередном доме до недавнего времени жила семья из трех человек: Александра Григорьевича, родного брата тому Ивану Григорьевичу, на могиле которого мы только сейчас побывали, тети Дуни и красивой, веселой, с большими серыми глазами девушки Раи* (В. Солоухин); *Это была не та Маша, которая потеряла голову, а та, которая пошла в лес и потерялась сама* (А. Приставкин).

При местоимениях *тот*, *этот* может использоваться определительное местоимение *самый* в значении «именно, как раз», усиливая значение указания: *Значит, вы утверждаете, что этот самый Куторга — человек наш, советский?* (Ю. Домбровский); *Продукты привез из провинции тот самый Лев Львович («Лилович»), который папе сделал «протекцию»* (И.

Грекова).

Указательное местоименное прилагательное *такой* указывает на свойство «подобное данному, уже названному, или тому, которое еще будет названо» [3, с. 319]: *Все было знакомым и в то же время иным. Едва успев осознать это, Иван Иванович понял, что такая Лариса для него еще ближе и дороже* (А. Коптяева).

Местоимение *такой* обнаруживает близость к местоимению *некий*, передавая значение неопределенности: *Там был такой Друзяев, недавно назначенный, Глебов знал его мало* (Ю. Трифонов); *Была такая тетя Дуся, активистка, так она нас все организовывала: устраивала разные праздники, соревнования...* (М. Песин).

В некоторых случаях при антропонимах употребляются указательные местоимения с частицей *же*: *...вспомнились мне 18–19 гг., случай был один, и такой же Иван Петрович точно с таким же лицом действовал не с собакой, а с человеком* (М. Пришвин). В случаях, подобных приведенному, антропоним фактически является апеллятивом, лицо отождествляется с тем, кто описывается дескрипцией *Иван Петрович*. Ср.: * *Иван Петрович точно с таким же лицом действовал не с собакой, а с человеком*.

Интересно, что при одновременном употреблении притяжательного местоимения (твой, ваш) и указательного местоимения чаще выражается отрицательная оценка — «угодный, приятный, близкий вам»: *Этот твой Ванечка махинации устраивает с бензином* (Ф. Искандер); *Знаешь, — медленно начала она, пристально на меня глядя, — а ведь эта ваша Соня ко мне приходила... однажды...* (В. Белоусова). Указательные местоимения, относясь к группе «твой/ваш + антропоним», имеют негативную окраску.

Конструкции «этот мой/наш+имя собственное», где лица, маркированные местоименными прилагательными *наш* и *мой*, входят в группу «свои», имеет другую окраску, указываемое лицо включается в круг «своих», говорящий, как правило, не дает ему отрицательной оценки — «свои» чаще наделяются положительными качествами: *Вот вздор, глупости, вранье! — сказал Николай и подумал: «Что за прелесть эта моя Наташа!»* (Л. Толстой); *Вижу я, да и другие тоже не слепые, что Феня эта моя такая, выходит, птица, которая по части гнезда вполне вить умеющая, и даже с большою она жадностью к этому делу, а не то как другие бывают — абы как!* (С. Сергеев-Ценский); *Спасибо этому моему Санчо-Пансо, Чернявскому, осадил разбойника, а то бы...* (А. Веселый); *И, глядя на чистый пробор, /.../ я думала вовсе не о черных локонах и вечной любви, а о том, кто же все-таки она такая, эта моя Татьяна?* (С. Васильева).

Как показывает анализ употреблений, местоимение *наш* довольно легко выходит из группы «свои», эволюционируя в сторону группы «чужие»: *А потом, — вздохнул дед, — при новом сотворении мира, Пугаев этот наш из Первоначала, из Бездны, таким выскочит... существом, значит... таким жутким, таким одичалым, что ни словом, ни мыслями, ни молчанием его нам уже никак не описать* (Ю. Мамлеев); *Ей-богу, просто до щекотки заманчиво раскусить, чего еще там недозволенного этот наш Дмитрий Егорыч натворил?* (Л. Леонов).

Интересно, что употребленные абсолютно, притяжательные и указательные местоимения чаще утрачивают свои основные функции и развивают вторичные, эмоционально-оценочные значения, причем с более выраженной экспрессией, чем при употреблении местоименных прилагательных при антропонимах. Такие конструкции всегда маркированы: *Пойдем же туда... Все наши приехали...* (А. Чехов); *А мой пришел без руки, а у невестки четверо душ, подними-ка всех* (В. Панова); *А этой... моей... передайте: если она ишо по сельсоветам бегать будет, я ей ноги переломая* (В. Шукшин); *Все развелась, Ирка со своим тоже развелась* (М. Арбатова); *Я, значит, о прошлом лете поставил стожок в лесу,*

да и то на другой территории по договоренности с тем председателем. А наши приехали да и увезли. Я, значит, в контору, я в сельсовет (В. Белов); Неужели этот в зеркале, в мокром, обвисшем и пахнущем псиной пальто, – это я, Берг? (Л. Толстой); В определение «странный ребенок» дачные родственники вкладывали всю силу своей нелюбви к Надежде Сергеевне и Лизиным родителям. Бабушку считали надменной эгоисткой, маму и папу называли не иначе, как «эти» (П. Дашкова).

Эти употребления далеко шагнули за пределы разговорной речи и художественных текстов: Шенни своим (название тарифного плана МТС); «Наши» — общероссийское молодежное общественное политическое движение, созданное при администрации президента РФ — такие употребления маркируют лица на оси «свои — чужие».

Таким образом, указательные и притяжательные местоимения, будучи атрибутами одушевленных субстантивов, могут реализовывать разные значения. При антропонимах они практически всегда развивают вторичные, оценочные значения, становясь стилистически маркированными, поскольку имя собственное предельно определено в контексте, при этом интенция говорящего обнаруживается уже в выборе местоименных прилагательных.

Список литературы:

1. Бабайцева В. В. Местоимение это и его функциональные омонимы. М.: Флинта, 2014. 168 с.
2. Виноградов В. В. Русский язык: Грамматическое учение о слова. М.: Высшая Школа, 1972. 614 с.
3. Вольф Е. М. Грамматика и семантика местоимений (на материале иберо-романских языков). М.: Наука, 1974. 224 с.
4. Грамматика русского языка. Т. 1: Фонетика и морфология. М.: АН СССР, 1953. 720 с.
5. Чепасова А. М., Игнатъева Л. Д. Местоимения в современном русском языке. М.: Флинта, 2017. 176 с.
6. Откупщикова М. И. Местоимения современного русского языка в структурно-семантическом аспекте. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. 87 с.
7. Галкина-Федорук Е. М. Современный русский язык. Ч. II. Морфология. Синтаксис. М.: Изд-во МГУ, 1964. 640 с.
8. Соколова О. И. Атрибутивная валентность личных имен собственных: дисс. ... канд. филол. наук. Владимир, 2003. 178 с.
9. Фурашов В. И. Современный русский синтаксис. Владимир: ВГГУ, 2010. 368 с.
10. Шведова Н. Ю. Местоимение и смысл. Класс русских местоимений и открываемые ими смысловые пространства. М.: Азбуковник, 1998. 176 с.
11. Шмелев А. Д. Референциальная интерпретация сочетаний вида «местоимение + имя собственное» // Русские местоимения: семантика и грамматика. Владимир: Изд-во ВГПИ, 1989. С. 93–101.

References:

1. Babaitseva, V. V. (2014). Mestoimenie eto i ego funktsional'nye omonimy. Moscow: Flinta, 168.
2. Vinogradov, V. V. (1972). Russkii yazyk: Grammaticheskoe uchenie o slova. Moscow: Graduate School. 614.
3. Volf, E. M. (1974). Grammatika i semantika mestoimenii (na materiale ibero-romanskikh yazykov). Moscow:: Nauka, 224.

4. Grammatika russkogo yazyka. (1953). V. 1: Fonetika i morfologiya. Moscow: AN SSSR, 720.
5. Chepasova, A. M., & Ignatieva, L. D. (2017). Mestoimeniya v sovremennom russkom yazyke. Moscow: Flinta, 176.
6. Otkupshchikova, M. I. (1984). Mestoimeniya sovremennogo russkogo yazyka v strukturno-semantichestkom aspekte. Leningrad: Izd-vo LGU, 87.
7. Galkina-Fedoruk, E. M. (1964). Sovremennyy russkii yazyk. Ch. II. Morfologiya. Sintaksis. Moscow: Izd-vo MGU, 640.
8. Sokolova, O. I. (2003). Atributivnaya valentnost' lichnykh imen sobstvennykh: diss. ... kand. filol. nauk. Vladimir, 178.
9. Furashov, V. I. (2010). Sovremennyy russkii sintaksis. Vladimir: VGGU, 368.
10. Shvedova, N. Yu. (1998). Mestoimение i smysl. Klass russkikh mestoimenii i otkryvaemye imi smyslovye prostranstva. Moscow: Azbukovnik, 176.
11. Shmelev, A. D. (1989). Referentsial'naya interpretatsiya sochetanii vida "mestoimение + imya sobstvennoe". In *Russkie mestoimeniya: semantika i grammatika*. Vladimir: Izd-vo VGPI, 93–101.

*Работа поступила
в редакцию 17.01.2019 г.*

*Принята к публикации
21.01.2019 г.*

Ссылка для цитирования:

Соколова О. И. Стилистические функции притяжательных и указательных местоименных прилагательных при одушевленных субстантивах // Бюллетень науки и практики. 2019. Т. 5. №2. С. 304-310. <https://doi.org/10.33619/2414-2948/39/42>.

Cite as (APA):

Sokolova, O. (2019). Stylistic functions of possessive and demonstrative pronominal adjectives combined with animate substantives. *Bulletin of Science and Practice*, 5(2), 304-310. <https://doi.org/10.33619/2414-2948/39/42> (in Russian).